

Бой кончится, примет погибших пучина,
И в скорби священной приспустят на гафеле флаг,
Флаг Родины нашей, многострадальной России,
Пробитый осколками гордый Андреевский стяг!

Слова из песни

Глава I

Поскольку русский Тихоокеанский флот даже в период своей максимальной боеспособности не располагал достаточными силами, чтобы вести постоянную дальнюю разведку в Японском море, вероятность внезапного появления крейсеров и миноносцев противника у наших берегов считалась весьма высокой. Повторная бомбардировка города это в полной мере подтвердила.

К середине августа — началу сентября, с учетом резкого снижения этой самой боеспособности, такая вероятность еще больше увеличилась. Причем всем было ясно, что одними минными заграждениями и береговыми батареями проблему не решить. Исходя из этого, дозорные линии на подходах к Владивостоку и у залива Посыет постоянно уплотнялись.

По мере доставки по железной дороге катеров и миноносок, а также притока трофеев, пополнялись и ряды партии траления, уже вполне обеспечивавшей надежную проводку судов до безопасных в минном отношении глубин. Столь обширное хозяйство подчинялось теперь капитану первого ранга Похвистневу, перешедшему на эту должность с мостика «Сенявина» после его разоружения.

Этому оказался весьма рад прежний начальник партии траления лейтенант Рейн, изначально организовавший всю эту службу до должного уровня. Его шепучной натуре было довольно тяжело заниматься рутинной пахотой фарватеров, так что он буквально засыпал начальство рапортами о переводе на любой из кораблей, ходящих в море. Хоть на миноносце. В итоге попал на «Ушакова» старшим офицером, сменив переведенного в штаб флота капитана второго ранга Мусатова.

Продолжала расширяться сеть укрепленных опорных пунктов на побережье, дававших возможность найти укрытие каботажным судам в случае опасности. При этом острый дефицит современной скорострельной артиллерии старались компенсировать, где было возможно, сооружением торпедных батарей по образцу устроенных на Малмыжской оборонительной позиции в устье Амура. Хабаровская артиллерийская мастерская, не справившись со свалившимися в связи с этим на нее объемами производства, поделилась чертежами изготавливаемых ею спусковых решеток для мин Уайтхеда, оказавшихся весьма удачными. Так что в отведенные жесткие сроки уложились с соблюдением должного качества. Получилось дешево и сердито.

Активная деятельность в этом направлении позволила принципиально изменить ситуацию с безопасностью движения всего малого каботажа. Но этого было явно недостаточно. Коммуникации, растянутые вдоль малоосвоенных берегов Приморья и недостаточно укрепленного северо-восточного побережья Кореи, оставались уязвимыми, как и сам берег. Надежно контролировать его с суши было невозможно из-за сложного рельефа, необитаемости на значительном протяжении и почти полного отсутствия дорог, сильно зависящих от погоды, а с моря — из-за острой нехватки дозорных и вспомогательных единиц в составе флота. Причем эту нехватку не смогло бы покрыть даже реквизирование всех мореходных частных судов. Их все равно было слишком мало.

В штабах вполне отдавали себе отчет, что в таких условиях вполне могло случиться, что даже о серьезном вражеском десанте станет известно далеко не сразу. Но всех успокаивало как раз это почти полное отсутствие дорог, а в некоторых случаях даже проходимых направлений, что резко сужало географию возможной высадки. Подходящих для этого мест оказывалось не так уж и много, и их усиливали в первую очередь.

Все, что можно было использовать из местных, довольно скромных ресурсов, немедленно шло в дело, но для полноценного освоения требовались серьезные капитальные вложения уже в государственных масштабах. А больше всего нужно было время, которого, как всегда, не хватало.

Все опасения оправдались с началом высадки войск противника в северо-восточной Корее. Запоздывание оперативной информации и ее искажения, в силу ряда причин не позволили принять своевременные меры по усилению атакованных районов и отражению атаки, хотя шансы для этого были.

Несмотря на то что все уже имевшиеся дозорные линии дополнительно усилили сразу, как только были получены достоверные сведения о появлении значительных японских сил в Броутоновом заливе, предотвратить нападение это не помогло. Как показали события ночи 23 сентября, к отражению серьезной атаки Тихоокеанский флот оказался не готов. И причин этому имелось сразу несколько.

Сумасшедшая гонка последних недель вымотала до предела не только экипажи кораблей эскадры и рабочих, занятых на ремонте, но также и личный состав всех вспомогательных служб порта, базы и сил охраны побережья. Экипажи тральных партий и судов внешней дозорной линии оказались вообще загнанными в прямом смысле слова, как лошади. Это привело к тому, что они порой оставались ночевать или ждать дальнейших

распоряжений от начальства в любой мало-мальски подходящей бухте, просто не имея сил добраться до безопасных стоянок.

Кроме того, постоянное нервное напряжение не могло не сказаться на эффективности работы штабов, так же оказавшихся совершенно измотанными постоянными проработками вариантов операций, планов боевой подготовки и увязыванием всего этого с фактическим состоянием того, что могло плавать и стрелять в море и на берегу, и сроками ремонта.

К тому же, несмотря на этот «штабной зуд», считалось, что японцы уже выдохлись и не решатся приблизиться к нашим берегам. Не только среди матросов, но даже и между офицерами шли разговоры, что кроме чисто демонстрационных действий они уже ни на что не способны.

Такой удобный стереотип не смогло разрушить даже известие об успешной высадке сразу нескольких японских полков у Порта Лазарева и Порта Шестакова. Противник все равно воспринимался как что-то гипотетическое. Тем более что для подавляющего большинства он все так же оставался где-то там, далеко, и видеть его своими глазами доводилось только разведывательным силам, регулярно ходившим к районам высадки.

К середине сентября сложилась странная ситуация. Во Владивостоке знали, где находятся японцы, какими примерно силами располагают, какими маршрутами чаще всего пользуются, но не атаковали по причине недостатка сил. Более того, даже отправить хоть какое-то снабжение своим гарнизонам, осажденным в Корее, не пытались по этим же причинам.

Японцы же, словно поддерживая негласную договоренность в ответ, старались не беспокоить сам Владивосток, целиком сосредоточившись на обеспечении безопасности своих якорных стоянок в Броутоновом заливе и растянувшихся коммуникаций, а также блокаде заня-

тых нами корейских портов, оказавшихся теперь у них под боком. Не было ни одного нападения на наши тыловые линии снабжения, проходившие совсем рядом. Хотя по факту противник имел серьезное преимущество в миноносцах и даже в тяжелых артиллерийских кораблях, по крайней мере в самые первые дни.

В итоге вместо адекватной реакции на давно ожидаемое очередное появление японских кораблей у самых ворот главной базы последовала сначала серия упущений среди исполнителей нижнего звена, усугубившаяся резким всплеском саботажа и вредительства, местами вылившимся в вооруженные выступления. На что сверху наложилась череда противоречивых распоряжений всевозможного начальства, дополнительно запутавшая ситуацию.

Из-за всего этого использование даже оставшихся исправными самых современных линий связи оказалось неэффективным из-за огромной массы срочных и экстренных запросов всех уровней, отправляемых одновременно во всех направлениях. Только ограниченность задействованных противником сил позволила избежать более тяжелых последствий.

Началось все с того, что дозорный пароход у устья реки Тюмень-Ула принял в тумане направлявшиеся к заливу Посьет японские миноносцы за русские, возвращавшиеся из разведки. Те регулярно проходили этим маршрутом уже больше недели и успели примелькаться. Запросив позывной и увидев какое-то ответное мигание фонаря, сигнальная вахта, даже не разобрав его как следует, доложила на мостик, что ответ на запрос получен, и тревогу никто не поднял.

Затем сказалась оплошность сигнального поста на острове Фуругельма, обеспечивавшего в момент появления противника завершение работы трального каравана, проверявшего фарватер и подходы к артиллерийскому полигону. Из-за плохой видимости с поста периодически

подавали сигналы рындой, чтобы облегчить ориентирование четверем грунтовоznым шаландам и двум паровым катерам, прикрываемым транспортом «Якут». Они проводили контрольное траление акватории полигона и фарватера. Эту рынду хорошо слышали и японцы. Исключительно благодаря ей они сумели быстро определиться по едва видимому в дымке скалистому южному берегу острова и остались незамеченными.

Их обнаружили, только когда они двинулись в направлении бухты Рейд Паллада, обойдя остров Фуругельма с востока и почти сразу наткнувшись на тральщики. В завязавшейся скоротечной, но яростной перестрелке, сразу перешедшей в торпедную атаку, тральная партия оказалась полностью разгромлена. Под западным берегом острова успели укрыться только два побитых катера, один из которых затонул к утру. Поврежденные артиллерией и потерявшие ход шаланды были оставлены экипажами, состоявшими почти поголовно из нанятых китайцев, и спокойно затонули или были вынесены течениями в открытое море. Так или иначе, их никто больше не видел. Вооруженный транспорт «Якут», до того как японцы потеряли его из вида в быстро густевшей вечерней темноте, получил множество попаданий снарядов и также лишился возможности самостоятельно передвигаться.

Хотя ни одна из выпущенных по нему трех торпед в цель не попала, пароходу не было суждено пережить этот день. Неуправляемое судно сдрейфовало к югу, и уже через пару часов оно оказалось на русском минном поле, где подорвалось на mine и пошло ко дну.

Этот взрыв слышали с батареи на острове Фуругельма, о чем сразу сообщили в штаб обороны. Там к этому времени уже была целая кипа донесений о контактах с подозрительными судами, вторгшимися в залив с юга.

Но после вспышки артиллерийской стрельбы севернее острова, последовавшего сразу за этим появлением двух побитых катеров с плохими известиями о визите

японских миноносцев и одиночным взрывом где-то на юге прошло больше часа. И все это время с других сигнальных постов неоднократно докладывали о виденных ими небольших паровых кораблях, осматривавших бухты Троицы и Лукина.

В свете всех этих сообщений взрыв на минном поле внешней линии обороны, по мнению начальства Посъетского отряда, мог означать только то, что теперь следом за разведкой в залив пытаются войти большие корабли, уже не способные пройти над минами, и это подорвался один из них. Или, что казалось наиболее вероятным, японцы тралят проход. Из-за всего этого в штабе обороны залива создавалось впечатление, что в Посъет пытается прорваться флот вторжения, под покровом ночи уже начавший форсирование линии оборонительных заграждений.

Именно в это время в бухте Троицы во тьме и клочьях тумана добрались до берега шлюпки с китайскими командами погибших шаланд, перехитрившие всех и рванувшие к дальнему берегу, чем окончательно все запутали. Недоученные пехотинцы, уже занявшие противодесантные капониры и прочие прибрежные оборонительные позиции, приняли их за передовые диверсионные группы и обстреляли, не жалея патронов.

Ответные возмущенные вопли на китайском и русском, но с сильнейшим восточным акцентом, были приняты за японские команды и азиатскую хитрость. После чего стрельбу бдительной стражи охотно поддержали такие же соседи. Трескотня винтовочных выстрелов и всполохи взлетающих ввысь осветительных ракет металась волнами вдоль всего берега залива Китовый. Шум поднялся невообразимый, словно началась полноценная высадка.

Именно в этот момент началась атака японских миноносцев на внутреннюю якорную стоянку рейда Посъет. Ее сравнительно легко удалось отбить береговой

артиллерией. Но в прилегающих водах были потеряны две шхуны, использовавшиеся в снабжении береговых гарнизонов в Корее и сигнальных постов западного побережья залива Петра Великого. А сама атака напоминала скорее разведку, чем окончательно уверила командование района в реальной угрозе именно на этом направлении.

С противоположного берега залива Посъет было прекрасно видно всю эту иллюминацию. Хотя ружейную стрельбу из-за большого расстояния и не слышали, буханье пушек и хлопки миноносных скорострелок со стороны основной оборонительной позиции разобрали отчетливо. Находившийся в бухте Пемзовая отряд контр-адмирала Йессена, только вчера пришедший на плановые послеремонтные стрельбы и еще их не закончивший, приготовился к обороне. Прояснить ситуацию не удавалось. Радио не действовало из-за активных японских помех, а телеграфом для связи с Владивостоком монопольно и, как позже выяснилось, бестолково пользовались армейцы. Так что он оказался фактически отрезанным от командования флота и не получал никаких приказов своего начальства.

Зато с поста Посъет контр-адмиралу постоянно шли приказы от сухопутного командования: «Немедленно выйти в море и вместе с уже отправленными подлодками атаковать неприятеля». Но, не имея никакого прикрытия и совершенно не представляя, какими силами располагает противник, упрямый начальник отряда малых броненосцев не хотел напрасно рисковать своими кораблями в безнадежном ночном бою.

К тому же в темноте можно было запросто напороться на камни, поскольку все маяки и бакены погасили, либо нарваться на торпеду от своей же подлодки. «Неудавшуюся» атаку на «Ушакова» под Сасебо к этому времени досконально разобрали в штабе и довели ее итоги до всех командиров кораблей.

Еще только заслышав стрельбу у острова Фуругельма, оба броненосца, имевшие теплые машины и пар в котлах, снялись с якорей и подошли максимально близко к берегу. Разразившаяся вскоре стрельба у рейда Паллада и паника на северном побережье Посъетского залива окончательно утвердили Йессена в правильности принятого решения. Противоторпедных сетей ни на его кораблях, ни на самом полигоне не оказалось, так что надеяться приходилось лишь на артиллерию или, что было более желательно, на то, что броненосцы не будут обнаружены.

Стоя на мелководье, в случае нападения противника надеялись отбиться из пушек при помощи береговой батареи на мысе Шелягина. Так виделось гораздо больше шансов сохранить отряд для полноценного утреннего удара по десантным силам. Начинать большую высадку в темноте никто явно не станет, так что спешить с этим не стоило. В свете подобных предположений все поступавшие от начальника Посъетского отряда телеграммы просто игнорировались.

Судя по всему, о месте расположения нового флотского артиллерийского полигона противнику ничего известно не было, так как миноносцы обошли его стороной, даже не попытавшись осмотреть южный берег рейда Паллада, где замерли в полной боевой готовности «Ушаков» с «Апраксиным».

Как уже бывало ранее, генерал-майор Щупинский начал требовать от моряков свезти на берег десантные роты и пушки для обороны и разразился многочисленными депешами в вышестоящие инстанции с просьбой о помощи, тем самым блокировав единственную линию проводной связи. В своих рапортах он сообщал, что в заливе Китовый уже видят многочисленные пароходы, начинающие высаживать пехоту шлюпками, хотя в полученном оттуда донесении речь шла лишь о нескольких гребных шлюпках, замеченных с берега (тех самых с китайцами).

Это полностью дезориентировало командование флота и штаб заместителя, решивших, что целью атаки действительно стал именно северный берег залива Посьет, имевший сразу три бухты, вполне пригодные для быстрой высадки крупных десантов. Исходя из этого и было начато развертывание имевшихся в распоряжении скудных сил.

По этой причине направление на остров Аскольд и далее вдоль берега к мысу Поворотный, откуда также поступил сигнал о начавшемся сразу в двух местах морском бое, осталось без должного внимания. С берега врага не видели, а послать туда для прикрытия избиваемых москитных сил оказалось просто некого.

В итоге не успевшие укрыться в укрепленной гавани старого прииска на острове Аскольда катера, миноноски и прочая мелочь были рассеяны и частично потоплены. Саму стоянку в бухте Наездник на острове Аскольд также пытались атаковать. Нападавшие, наткнувшись на ответный огонь малокалиберных скорострелок у входа в бухту, сначала решительно продолжили атаку, но быстро отошли, вероятно, обнаружив след выпущенной по ним первой же мины с развернутых там береговых торпедных позиций. Их численность так и не удалось установить.

Результатом атаки противником дозорных и тральных сил у восточного выхода из залива Петра Великого в районе пролива Аскольд стала потеря трех паровых шаланд из состава тральной партии, провожавшей «Урал», и одной из миноносок ее эскорта. Причем две из трех шаланд погибли не от огня противника, а на камнях у мыса Пальчатый, спасаясь от преследования.

Судьба самого парохода-крейсера оставалась неизвестной. С сигнальных постов сообщали только о короткой, но интенсивной перестрелке, сопровождавшейся работой прожекторов в море юго-восточнее Аскольда, то есть в той стороне, куда он ушел. Взрывов никто не слышал, так что оставался шанс, что удалось отбиться.

Связи по радио в восточном направлении не было с начала ночи. Помехи. Телеграфная линия к Ольгинскому укрепленному району и далее оказалась повреждена где-то за мысом Поворотный. С заливом Америка и Сучанскими копиями еще могли обмениваться депешами, но дальше Хмыловки они не проходили. Судя по всему, обрыв был снова где-то на перевале выше по реке. Там пару дней назад уже случилась перестрелка телеграфистов-ремонтников с хунхузами. В Николаевске-на-Амуре пока все было спокойно, но телеграфная связь между Софийском и заливом Де-Кастри, где шел провод через пролив на Сахалин, также не действовала. Соответственно, ничего не было известно о положении дел на острове-каторге и у Курильских островов. Из-за всего этого теперь не поступало вообще никаких известий со всего восточного фланга. Оценить общую ситуацию в таких условиях оказалось очень непросто!

А японцы напирали. Несмотря на то что туман неожиданно рассеялся, они прошли в виду мыса Гамова, островов Римского-Корсакова и углубились в Амурский залив за остров Стенина, явно обходя минное заграждение перед мысом Брюса. Так далеко они еще не забирались. Отступить их заставил только пуск ракет с одной из островных осветительных батарей и залп дежурного крейсера «Светлана», выдвинувшегося от острова Рикорда для отражения попытки высадки крупного десанта еще и в Славянском заливе, как все уже считали.

В крепости объявили общую тревогу, закрыв для гражданского использования телеграф и вокзал. Плавание всех частных маломерных судов в бухтах Новик и Золотой Рог полностью запретили. Из двух эшелонов с войсками, уже отправленных из гарнизона крепости в пост Посьет узкоколейкой, один «тормознули» на разъезде Алмазовка, едва эшелон перевалил мост через реку Монгуай. Туда телеграфировали приказ: «Спешно выдвигаться пешим порядком к деревням Нижние